

ISSN 0869-4362

**Русский
орнитологический
журнал**

**2012
XXI**

ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
720
EXPRESS-ISSUE

СОДЕРЖАНИЕ

-
- 107-111 Об осенней миграции канадского журавля *Grus canadensis* на восточном побережье Чукотского полуострова. А. М. ТРУХИН
- 111-113 Гусеобразные птицы островов Печорского моря. В. В. АНУФРИЕВ, А. С. ГЛОТОВ
- 113-114 О характере пребывания саджи *Syrrhaptes paradoxus* в Туве. В. И. ЗАБЕЛИН, Л. К. АРАКЧАА
- 114-115 Популяционная биология большого пёстрого дятла *Dendrocopos major* в Окском заповеднике. В. П. ИВАНЧЕВ
- 115-117 Летняя находка толстоклювого зуйка *Charadrius leschenaultii* в окрестностях Баянаула (Павлодарская область). С. М. РЕЗНИЧЕНКО
- 117-124 К вопросу о формировании индивидуальных территорий самцами выпя *Botaurus stellaris*. И. Ю. ЯНОВСКИЙ
- 124-127 Пискулька *Anser erythropus* в Псковской области. С. А. ФЕТИСОВ
-

Редактор и издатель А. В. Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Биолого-почвенный факультет
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

CONTENTS

- 107-111 On autumn passage of the sandhill crane *Grus canadensis* on the east coast of the Chukotka Peninsula.
A.M. TRUKHIN
- 111-113 Anseriformes of islands in the Pechora Sea.
V.V. ANUFRIEV, A.S. GLOTOV
- 113-114 The Pallas's sandgrouse *Syrhaptes paradoxus* in Tuva.
V.I. ZABELIN, L.K. ARAKCHAA
- 114-115 Population biology of the great spotted woodpecker *Dendrocopos major* in the Oksky State Nature Biosphere Reserve. V. P. IVANCHEV
- 115-117 Summer record of the greater sand plover *Charadrius leschenaultii* near Bayanaul, Pavlodar Oblast.
S.M. REZNICHENKO
- 117-124 On the formation of male individual territories in the Eurasian bittern *Botaurus stellaris*.
I. Yu. IANOVSKI
- 124-127 The lesser white-fronted goose *Anser erythropus* in the Pskov Oblast. S. A. FETISOV
-

A.V. Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St.-Petersburg University
St.-Petersburg 199034 Russia

Об осенней миграции канадского журавля *Grus canadensis* на восточном побережье Чукотского полуострова

А.М.Трухин

Алексей Михайлович Трухин. Тихоокеанский океанологический институт им. В.И.Ильичева ДВО РАН, ул. Балтийская, д. 43, Владивосток, 690041, Россия. ЧукотТИНРО, ул. Отке, д. 56, Анадырь, Чукотский АО, 689000, Россия. E-mail: fauna_2@fauna-dv.ru

Поступила в редакцию 13 января 2012

Канадский журавль *Grus canadensis* – обычная гнездящаяся птица тундровых ландшафтов на северо-востоке России. Это самый многочисленный вид отряда журавлеобразных, численность которого около двух десятилетий назад оценивалась приблизительно в 600 тыс. особей (Rose, Scott 1994). Российскую часть ареала населяет самый мелкий из шести признанных на сегодняшний день подвигов – *G. c. canadensis* (Linnaeus, 1758). По мнению В.Е.Флинта (1987), численность канадского журавля в России составляет 20-22 тыс. птиц, из которых основная часть гнездится в тундрах Чукотки; в значительно меньшем количестве канадский журавль встречается на гнездовьях в северных районах Камчатки, северо-восточном Приохотье и на северо-востоке Якутии (Портенко 1972; Яхонтов 1979; Кищинский и др. 1982; Лабутин и др. 1982; Кречмар и др. 1991; Герасимов 2007). Имеется и несколько иная оценка общей численности рассматриваемого вида в азиатской части ареала – 20-25 тыс. особей (Кищинский 1988). Впрочем, эта оценка незначительно отличается от приведенной выше.

13 августа – 1 октября 2011 автор данной публикации работал на мысе Аккани в Мечигменском заливе Берингова моря, примерно в 100 км южнее мыса Дежнева (Берингов пролив). Во второй декаде августа были совершены три экскурсии вглубь тундры на 1-4 км от морского побережья. Во время этих экскурсий трижды наблюдались мелкие группы (2, 5 и 3 особи) канадских журавлей. Во всех трёх случаях птицы кормились на земле; каких-либо признаков сбивания в стаи, предшествующего началу миграции, отмечено не было.

Осенний пролет канадских журавлей мимо мыса Аккани начался 5 сентября. Первые две стаи общей численностью 160 особей отмечены в этот день в 11 ч 48 мин (11:48) местного времени, третья (36 птиц) – в 12:20. После 12:20 миграция приняла массовый характер. Журавли активно летели до 14:41. За 3 ч наблюдений было зарегистрировано 46 стай, численность журавлей в которых определена в 2634 особи. Обычно канадские журавли летели большими группами, включающими не-

сколько стай разного размера; одновременно можно было наблюдать до 4-5 стай. В процессе пролёта отдельные стаи постоянно объединялись или распадались на более мелкие группы. Каждая стая включала 3-110 особей. Общее направление миграции мимо мыса Аккани – восточное, реже северо-восточное. Пролетающие журавли придерживались морского побережья и, миновав мыс Аккани, но не долетая до мыса Яндагай (Кригуйгун), поворачивали на север и продолжали движение по направлению к селу Лаврентия. Часть птиц летела над тундрой на некотором удалении от береговой линии и в учёт «не попала». Вероятно, это могли быть сотни птиц. Окончание дневной миграции (в 14:41) совпало с усилением ветра южного направления.

На следующий день, 6 сентября, миграция журавлей возобновилась. Первая стая отмечена в 10:02. С 10:02 до 10:15 пролетели 7 стай (163 птицы). В это время дул сильный (10-15 м/с) северный ветер и журавлей постоянно «сносило» от берега в море, откуда они с большим трудом вновь возвращались к суше, часто пролетая низко над водной поверхностью. После 10:15 пролёт ненадолго прекратился и возобновился в 12:30. В этот день журавли активно продолжали лететь до 13:45. Всего за 1 ч 15 мин было учтено ещё 3400 особей. После 13:45 массовый пролёт внезапно прекратился, после чего во второй половине дня (в 14:29 и 14:37) отмечены лишь две группы (6 и 3 особи). Таким образом, 6 сентября зарегистрировано всего 3572 канадских журавля. Следовало бы заметить, что пролёт 6 сентября проходил в условиях сильного (10-15 м/с) неутихающего ветра, и многие стаи летели над морем вдали от берега. Как и в предыдущий день, отдельные группы птиц летели сравнительно низко над сушей – в 20-50 м, что позволило местным охотникам добыть несколько птиц.

7 сентября наблюдения были начаты в 06:00; первая стая журавлей отмечена в 06:51, последняя – в 17:05. В этот день отмечено два пика активности пролёта: с 09:10 до 10:40 и с 12:30 до 14:30. После 14:30 была замечена только одна стая (15 птиц) в 17:05. Между тем, после 21 ч, уже в полной темноте, были слышны голоса пролетающих поблизости журавлей, но самих птиц рассмотреть не удалось. Судя по крикам, птиц было, как минимум, несколько десятков. Всего 7 сентября учтено 3534 журавля.

В течение всего дня 8 сентября дул неослабевающий северный ветер силой 10-15 м/с. В этот день наблюдения были начаты в 04:40, а первая группа журавлей – 420 птиц (11 стай) – отмечена в 05:40. Птицы активно летели до 13:38, после чего пролёт неожиданно прекратился, и журавли больше не наблюдались. В этот день большинство птиц летело на высоте до 1 км и выше, многие пролетали над морем вдали от береговой черты и были различимы только в бинокль. Погодные условия в течение всего дня 8 сентября оставались неизменными – север-

ный ветер силой 10-15 м/с. В этот день учтено 5342 птицы, а всего за четыре дня пролёта (5-8 сентября) было зарегистрировано 15082 канадских журавля, больше всего – в последний день пролёта. Безусловно, число птиц, пролетевших мимо мыса Аккани, было ещё бóльшим, поскольку часть журавлей летела 8 сентября над морем вдали от берега и в число учтённых не попала. По-видимому, какая-то часть их в эти дни мигрировала над тундрой на некотором расстоянии от береговой линии, откуда велись наблюдения, и из-за близлежащих холмов эти журавли не были доступны для визуальной регистрации.

В ночь с 8 на 9 сентября температура воздуха опустилась ниже 0°C, северный ветер стих до 1-2 м/с. 9 сентября наблюдения были проведены в условиях такой изменившейся погоды с 04:40 до 19:35 (наступление густых сумерек), но ни одного журавля замечено не было. В этот день до полудня дул слабый северный ветер, неожиданно сменившийся во второй половине дня на противоположный южный (2-5 м/с), а затем юго-восточный такой же силы. К 18 ч ветер усилился; в это же время начался дождь. К 21 ч ветер был юго-восточный, до 10 м/с. В течение нескольких последующих дней канадские журавли не были отмечены ни разу, несмотря на специально предпринятые усилия по поиску мигрирующих птиц, которых сложно не заметить, поскольку летящие птицы непрерывно кричат, и крики их слышны на большом расстоянии. Можно совершенно определённо утверждать, что в эти дни журавли действительно отсутствовали в районе наблюдений. Создалось впечатление, что 8 сентября пролёт завершился.

Однако 17 сентября автор вновь наблюдал журавлей у мыса Аккани: в этот день птицы отмечены дважды: в 06:28 (50 особей) и в 10:07 (38). 18 сентября единственная стая (40 журавлей) зафиксирована во второй половине дня. После 18 сентября журавлей вновь приходилось наблюдать ежедневно, но численность мигрирующих птиц заметно выросла и в отдельные дни была значительной. Например, 19 сентября учтено 2135 птиц. Но в начале третьей декады сентября пролёт в целом был сравнительно вялым: количество ежедневно регистрируемых журавлей составляло, как правило, несколько сотен птиц. Лишь 25 сентября отмечен всплеск миграционной активности: в этот день учтено 2505 журавлей. После 25 сентября активность пролёта упала. Так, 26 сентября птицы совсем не наблюдались, 27 сентября их было учтено 80 особей, а 28 сентября – лишь 3 птицы. С 29 сентября по 1 октября включительно не было отмечено ни одного журавля. Вероятно, именно последние числа сентября можно считать окончанием пролёта канадских журавлей на восточном побережье Чукотского полуострова в 2011 году. Возможно, отдельные запоздалые журавли могли лететь здесь и в первых числах октября, но численность их вряд ли могла быть сколько-нибудь существенной.

Таким образом, по данным 2011 года вдоль восточного побережья Чукотского полуострова осенний пролёт канадских журавлей проходил в два этапа, чётко разделённых по времени. Первый этап охватывал период с 5 по 8 сентября, второй – с 17 сентября и до конца этого месяца. Подобный «разрыв» в сроках миграции, возможно, обусловлен разновременностью миграций журавлей, гнездящихся в разных районах северо-востока Азии. Всего мной на мысе Аккани в сентябре 2011 года зарегистрированы 23586 особей, из которых в течение первого этапа – 15082, в течение второго – 8504. Безусловно, число журавлей, мигрирующих мимо мыса Аккани, было бóльшим, поскольку часть птиц пролетели вне поля зрения наблюдателя. Трудно сказать, какая доля осталась не учтённой, но, полагаю, что число таких птиц могло быть значительным и исчисляться несколькими тысячами особей. Отдавая себе отчёт в довольно слабой аргументации, можно осторожно предположить, что в период осенней миграции в районе Мечигменского залива пролетает 25-30 тыс. канадских журавлей.

Вероятно, в отдельные годы осенний пролёт может начинаться и в более ранние сроки. Так, по сообщению П.С.Томковича и А.Г.Сорокина (1983), явно пролётные стаи канадских журавлей наблюдались на восточном побережье Чукотки 29 августа 1973.

Естественно, не вся азиатская популяция канадского журавля мигрирует осенью вдоль восточного побережья Чукотского полуострова в 100 км южнее мыса Дежнева. Не подлежит сомнению, что значительная часть птиц, гнездящихся в западных и северных районах Чукотки и в северо-восточной Якутии, летят к Берингову проливу над материком напрямую, либо придерживаются побережья Чукотского моря, минуя, таким образом, побережье Мечигменского залива Берингова моря, где автор проводил наблюдения. Однако сколько таких птиц – сказать сложно, а опубликованной по данному вопросу информации недостаточно. Известно, например, что в период весенней миграции канадские журавли, перелетев с Аляски Берингов пролив, продолжают движение над азиатским материком в двух направлениях. Часть птиц от мыса Дежнева летит на юго-запад к южным берегам Чукотского полуострова. Другая же часть российской популяции от Берингова пролива продолжает движение на северо-запад вдоль побережья Чукотского моря через Ванкаремскую низменность и Чаунскую губу (Портенко 1972; Флинт 1987). По-видимому, во время осенней миграции журавли следуют теми же миграционными путями, но на этот раз – в обратном направлении. Кроме того, В.Е. Флинт (1987) полагает, что определенное количество журавлей, гнездящихся в юго-восточных районах «российского ареала», летит осенью на север через залив Креста в направлении побережья Чукотского моря, следовательно, не появляясь в районе Мечигменского залива.

Основываясь на проведенных наблюдениях, можно утверждать, что восточное побережье Чукотского полуострова в настоящее время является одним из главных в пределах Азии миграционных путей канадских журавлей.

Автор признателен Ю.Б.Артюхину, И.В.Дорогому, В.А.Нечаеву за консультации в процессе подготовки рукописи.

Литература

- Герасимов Ю.Н. 2006. Канадский журавль // *Красная книга Камчатки. Том 1. Животные*. Петропавловск-Камчатский: 161-162.
- Кищинский А. А. 1988. *Орнитофауна Северо-Востока Азии*. М.: 1-284.
- Кищинский А.А., Флинт В.Е., Томкович П.С., Сорокин А.Г. Кузнецов Г.А. 1982. Распространение и биология канадского журавля в СССР // *Журавли Восточной Азии*. Владивосток: 70-75.
- Кречмар А.В., Андреев А.В., Кондратьев А.Я. 1991. *Птицы северных равнин*. Л.: 1-288.
- Лабутин Ю.В., Дегтярёв А.Г., Ларионов В.П. 1982. Распространение и численность журавлей в северо-восточной Якутии // *Журавли Восточной Азии*. Владивосток: 66-69.
- Портенко Л.А. 1972. *Птицы Чукотского полуострова и острова Врангеля*. Л., 1: 1-423.
- Томкович П.С., Сорокин А.Г. 1983. Фауна птиц Восточной Чукотки // *Распространение и систематика птиц*. М.: 77-159.
- Флинт В.Е. 1987. Канадский журавль // *Птицы СССР: Курообразные, журавлеобразные*. Л.: 296-306.
- Яхонтов В.Д. 1979. Птицы Пенжинского района // *Птицы Северо-Востока Азии*. Владивосток: 135-162.
- Rose P.M., Scott D.A. 1994. *Waterfowl Population Estimates*. IWRB Spec. Publ. № 29. Slimbridge: 1-102.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2012, Том 21, Экспресс-выпуск 720: 111-113

Гусеобразные птицы островов Печорского моря

В.В.Ануфриев, А.С.Глотов

*Второе издание. Первая публикация в 2005**

Остров Колгуев занимает площадь 5.2 тыс. км². От материка его отделяет Поморский пролив (74 км). Острова Большой Зеленец, Долгий, Голец имеют площадь 8.8, 93.1 и 0.6 км², соответственно, и распо-

* Ануфриев В.В., Глотов А.С. 2005. Гусеобразные птицы островов Печорского моря // *Гусеобразные птицы Северной Евразии*. СПб.: 15-17.

лагаются в юго-восточной части Баренцева моря между 69°20' и 69°50' с.ш., 58°40' и 58°50' в.д.

На острове Колгуев учёты птиц проведены 1-5 августа 2001, 27 мая – 2 июня и 27 августа – 7 сентября 2004, на остальных островах – 3-28 июля 2004 с использованием стандартной методики (Равкин, Челинцев 1997). Протяжённость маршрутных учётов составила: на Колгуеве – 90 км, на Большом Зеленеце – 6 км, на Долгом – 190 км, на Гольце – 6 км. Данные о численности птиц приведены без учёта молодых текущего года рождения.

Branta leucopsis. Осенняя численность местного населения белощёкой казарки на острове Колгуев составляет около 50 тыс. особей. Плотность населения казарки в конце августа – начале сентября на южном берегу острова составила 93 ос./км², во внутренних частях (в полосе 1-35 км от южного побережья) – 39 ос./км². В самой крупной гнездовой колонии этого вида, расположенной в приустьевой зоне реки Песчанка, в августе 2001 года учтено около 5 тыс. птиц. На острове Долгий обнаружено 5 колоний, в самой крупной из них учтено 700 взрослых птиц и птенцов. Плотность на островах Долгий и Голец составила 15.7 и 34.0 ос./км² соответственно. На острове Большой Зеленец белощёкая казарка не отмечена.

Anser fabalis. Плотность населения гуменника на южном побережье Колгуева в 2004 году составила 8, во внутренних частях острова (в полосе 1-35 км от южного побережья) – 10 ос./км². Обычен на островах Долгий и Большой Зеленец. На Долгом распространён преимущественно вдоль западного побережья, где его плотность составляет 5.0 ос./км². На острове Голец гуменник не отмечен.

Anser albifrons. Плотность белолобого гуся на Колгуеве в 2004 году на южном побережье составила 6 ос./км², во внутренних частях острова (в полосе 1-35 км от южного побережья) – 11 ос./км². На острове Долгий распространён вдоль восточного побережья и в средней части острова, где его плотность составляет 7.3 ос./км². На островах Большой Зеленец и Голец белолобый гусь не отмечен.

Anser erythropus. На острове Колгуев учтено 10 пискулек, в том числе 2 птенца. На острове Долгий отмечена одна взрослая птица.

Anas penelope. На Колгуеве плотность составила 0.7 ос./км². На других островах связь не отмечена.

Somateria mollissima. В береговой зоне острова Голец учтено 12 самцов обыкновенной гаги.

Somateria spectabilis. На Колгуеве обилие самок гребенушки составила 5 ос./10 км береговой зоны, на островах Большой Зеленец, Долгий и Голец – 7, 3 и 1200, соответственно.

Clangula hyemalis. На островах Колгуев, Большой Зеленец и Долгий морянка – широко распространённый гнездящийся вид.

Melanitta nigra. Небольшие стайки взрослых синьг (2-7 особей) отмечались в прибрежной зоне островов Большой Зеленец, Долгий и Голец.

Mergus serrator. В прибрежной зоне островов Долгий и Голец обилие самцов длинноносого крохала составила 3.5 и 50 ос./10 км побережья, соответственно.

Mergus merganser. В прибрежной зоне островов Большой Зеленец и Долгий обилие самцов большого крохала составила 200 и 1.5 особей на 10 км побережья.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2012, Том 21, Экспресс-выпуск 720: 113-114

О характере пребывания саджи *Syrrhaptes paradoxus* в Туве

В.И.Забелин, Л.К.Аракчаа

Второе издание. Первая публикация в 1991*

За 30-летний период наблюдений установлено, что в пределах Убсунурской котловины саджа *Syrrhaptes paradoxus* регулярно гнездится, но численность её значительно колеблется по годам: от единичных встреч на десятки километров маршрутов (в 1962, 1963, 1989 годах) до пары на 1 км² (1990 год). В Тувинской котловине залётные саджи отмечались весной (в апреле), но не ежегодно. Массовые появления наблюдались в 1960, 1964, 1966, 1978, 1981 и 1990 годах, причём в 1960, 1981 и 1990 годах установлено гнездование.

Наиболее крупной была миграция саджи в Тувинскую котловину в 1990 году. Первые стайки в 10-15 особей появились в последней декаде марта сразу после схода снега в степи. На протяжении апреля и мая в городе Кызыле и его окрестностях в течение дня можно было наблюдать от 2 до 5 стаяк численностью от 4 до 15-25 птиц. Вблизи озера Чеддер в первой декаде июня были найдены пуховички, к концу лета группы в 5-10 особей стали здесь обычны, а в сентябре и первой половине октября наблюдались стаи в 80-100 птиц. В Убсунурской котловине саджи весной и летом также были многочисленны. Кладка из 3 яиц и пуховички в возрасте нескольких дней были встречены в междуречье Тес-Хем и Нарин-Гол 25-26 мая 1990.

* Забелин В.И., Аракчаа Л.К. 1991. О характере пребывания саджи в Туве // *Материалы 10-й Всесоюз. орнитол. конф.* Минск, 2, 1: 220.

Скорее всего, миграции обусловлены увеличением обилия сажки в гнездовой области, поскольку между её численностью в области постоянного гнездования и интенсивностью миграционного потока в Туву устанавливается прямая зависимость.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2012, Том 21, Экспресс-выпуск 720: 114-115

Популяционная биология большого пёстрого дятла *Dendrocopos major* в Окском заповеднике

В.П.Иванчев

Второе издание. Первая публикация в 1991*

Изучение биологии большого пёстрого дятла *Dendrocopos major* проводили в Окском заповеднике в 1983-1990 годах. Птиц кольцевали на гнёздах и местах ночёвок. Возраст их определяли по контрасту между вылинявшими и невылинявшими перьями.

Большой пёстрый дятел – обычный гнездящийся и зимующий вид района исследований. Плотность гнездования в наиболее благоприятных местообитаниях (в пойменных дубравах и смешанных лесах) достигает 12-13.7 пар/км². В зимний период на постоянном контрольном участке у посёлка Брыкин Бор площадью 1 км² численность зимующих птиц составляла в 1986-1990 годах 13-15 особей. Большому пёстрому дятлу свойственна сезонная смена местообитаний: весной птицы перемещаются в лиственные, осенью – в сосновые и смешанные леса.

К размножению, по данным отловов и кольцевания, впервые приступают в возрасте одного года. Доля впервые гнездящихся птиц колеблется по годам и зависит от конкретных условий. Первые яйца в кладках появляются в конце апреля (23 апреля 1986) – начале мая (8 мая 1987), средняя дата начала размножения в 1986-1990 годах – 28 апреля. Пары, состоящие из взрослых птиц, начинают размножаться раньше пар, состоящих только из годовалых, в среднем на 5 дней.

В кладке 4-10 яиц, в среднем 6.24 ± 0.11 ($n = 97$), коэффициент вариации – 17.4%. Средняя величина кладки взрослых самок, размножающихся не первый раз, выше средней величины годовалых самок (соответственно, 6.83 ± 0.20 и 5.82 ± 0.22 , $t = 3.40$, $P < 0.001$). Продолжительность периода собственно насиживания (промежуток времени от

* Иванчев В.П. 1991. Популяционная биология большого пёстрого дятла // Материалы 10-й Всесоюз. орнитол. конф. Минск, 2, 1: 239-240.

откладки последнего яйца до вылупления первого птенца включительно) составляет 8-13, в среднем 10.7 ± 0.15 сут ($n = 48$). Сроки появления птенцов в дуплах: наиболее ранняя дата – 12 мая, наиболее поздняя – 31 мая, чаще птенцы появляются 14-20 мая (данные за 1986-1990 годы). Продолжительность пребывания птенцов в дупле составляет 21-27, в среднем 24.4 ± 0.22 дня ($n = 38$).

В выводках перед вылетом 1-8, в среднем 4.44 ± 0.10 птенца ($n = 188$; данные за 1953-1990 годы). Средняя величина выводка у пар, состоящих из взрослых птиц, статистически значимо больше, чем у пар, состоящих из годовиков (соответственно, 5.31 ± 0.22 и 4.38 ± 0.30 , $t = 2.50$, $P < 0.02$). Птенцы покидают гнёзда в середине июня; крайние даты – 3 июня 1988 и 21 июня 1989.

Успешность размножения большого пёстрого дятла составляет 55.81-74.75%, в среднем за 1986-1990 годы – 63.45% (по 87 гнёздам). Молодым птицам свойственна широкая послегнездовая дисперсия, большая часть взрослых птиц оседла.

Максимальная зарегистрированная продолжительность жизни – более 11 лет (самец, окольцованный взрослым 24 июля 1979, погиб в паутинной сети 8 августа 1988) и 9 лет (взрослая самка, окольцованная 2 октября 1978, поймана 2 ноября 1986).

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2012, Том 21, Экспресс-выпуск 720: 115-117

Летняя находка толстоклювого зуйка *Charadrius leschenaultii* в окрестностях Баянаула (Павлодарская область)

С.М.Резниченко

Сергей Михайлович Резниченко. Баянаульский государственный национальный природный парк, село Шонай, Баянаульский район, Павлодарская область, 140300, Казахстан.
E-mail: serg_rezn@mail.ru

Поступила в редакцию 16 января 2012

Северная граница области гнездования толстоклювого зуйка *Charadrius leschenaultii* в Казахстане проходит от мангышлакского побережья Каспийского моря по линии: Северный Устюрт, северный берег Аральского моря, пустыни Бетпак-Дала, Жусандала, Таукумы, Алакольская котловина (Долгушин 1962; Гаврилов 1999).

В Казахском мелкосопочнике, расположенном севернее озера Балхаш, находений этого зуйка не было известно. Поэтому совершенно

неожиданной является встреча 22 июня 2011 взрослого толстоклювого зуйка на солёном озере Ащиколь (50°17'39'' с.ш., 76°09'18'' в.д.), расположенном в 64 км юго-восточнее посёлка Баянаул Павлодарской области. Берега этого озера поросли тростником южным *Phragmites australis*, а линия вдоль уреза воды усыпана щебнем различного размера. Толстоклювый зуёк держался рядом с парой малых зуйков *Charadrius dubius*. Встреча документирована фотографией.

Толстоклювый зуёк *Charadrius leschenaultii*. Озеро Ащиколь, 22 июня 2011.

Эта находка толстоклювого зуйка значительно севернее известных пределов области гнездования, несомненно, является случайным залётом во время послегнездовых кочёвок, которые у этого вида в Балхашской и Алакольской котловинах начинаются уже в конце июня – начале июля (Хроков 1991; Хроков и др. 1993; Березовиков и др. 1999; Березовиков, Ерохов 2003). Вместе с тем эта встреча не исключает возможности гнездования толстоклювого зуйка поблизости, где-то в пустынных местностях между Баянаулом и Балхашом.

Литература

- Березовиков Н.Н., Губин Б.М., Гуль И.Р., Ерохов С.Н., Карпов Ф.Ф., Коваленко А.В. 1999. *Птицы пустыни Таукумы (Юго-Восточный Казахстан)*. Киев: 1-116.
- Березовиков Н.Н., Ерохов С.Н. 2003. Фаунистические дополнения и уточнения к списку птиц Алакольской котловины // *Каз. орнитол. бюл.* 2003: 208-213.
- Гаврилов Э.И. 1999. *Фауна и распространение птиц Казахстана*. Алматы: 1-198.

- Гаврилов Э.И., Ерохов С.Н., Хроков В.В., Карпов Ф.Ф. 1994. Осенний пролёт куликов на оз. Алаколь (Алакольская котловина) // *Орнитология* **26**: 153-157.
- Долгушин И.А. 1962. Отряд Кулики – *Limicolae* // *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, **2**: 40-245.
- Хроков В.В. 1991. Краткое сообщение о большеклювом зуйке [на Сорбулаке] // *Редкие птицы и звери Казахстана*. Алма-Ата: 164-165.
- Хроков В.В., Ерохов С.Н., Лопатин В.В., Гаврилов Э.И., Гаврилов А.Э., Карпов Ф.Ф. 1993. Орнитологические находки в Алакольской котловине // *Фауна и биология птиц Казахстана*. Алматы: 194-196.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2012, Том 21, Экспресс-выпуск 720: 117-124

К вопросу о формировании индивидуальных территорий самцами выпя *Botaurus stellaris*

И.Ю.Яновский

Игорь Юрьевич Яновский. Кафедра зоологии позвоночных, биолого-почвенный факультет, Санкт-Петербургский университет, Университетская набережная, 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. E-mail: bioacoustic@aol.com

Поступила в редакцию 17 января 2012

До настоящего времени почти вне поля зрения исследователей остаётся такой аспект экологии выпя *Botaurus stellaris*, как процесс формирования границ индивидуальных участков самцов, происходящий вскоре после прилёта птиц к местам будущих гнездовых (в северных частях ареала). Весной 2010 года нам удалось наблюдать этот процесс на озере Осыно (56°09' с.ш. и 28°38' в.д.) в Себежском районе Псковской области. Район, где проводились исследования, характеризуется разветвлённой сетью больших и малых водоёмов, создающих благоприятные условия для развития тростниковых плавней с доминированием тростника южного *Phragmites australis*. Берега водоёмов покрыты лиственным, реже смешанным или хвойным лесом. В наиболее увлажнённых местах (обычно в узкой полосе между лесом и зарослями тростников) растут кустарниковые заросли ивы. В окрестностях населённых пунктов отдельные участки берега заняты лугами.

В 2010 году выпя появилась в окрестностях Осыно ещё до освобождения озера ото льда. Первые брачные крики двух самцов выпя были отмечены 12 апреля. Они кричали на реке Нища на удалении 5 км к юго-востоку от озера. Ещё две выпя зарегистрированы 13 апреля южнее озера – одна из них кричала на реке Осына в 1 км от озера, другая – около небольших озёр в центре Красиковского болота, в 1-1.5 км

южнее первой. В эти дни, до схода льда с озера Осыно, дневная температура воздуха не поднималась выше $+15^{\circ}\text{C}$, держась обычно на уровне $+10...+12^{\circ}\text{C}$. В ясные ночи температура воздуха падала ниже нуля. После освобождения озера ото льда дневная температура воздуха в его окрестностях поднялась до $+18^{\circ}\text{C}$, ночные заморозки прекратились. Лёд на озере полностью сошел 12-13 апреля, и уже 14 апреля утром была зарегистрирована выпь (самец № 1) в юго-восточной части озера (рис. 1). Одновременно перестали слышаться крики выпей на реке Осына и Красиновском болоте. В юго-восточном углу озера, где был обнаружен первый самец, имеется массив густых тростниковых плавней с примесью хвоща *Equisetum fluviatile* и телореца *Stratiotes aloides* площадью 300×100 м. В этом массиве выпь регулярно гнездится на протяжении последних 30 лет.

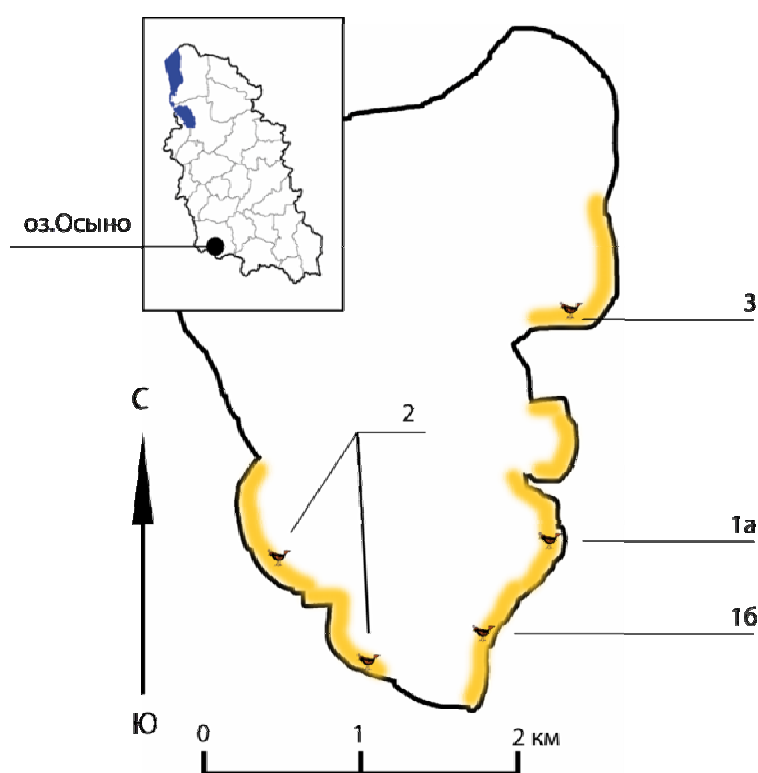

Рис.1. Схема локализации песенных постов самцов выпи на озере Осыно 14-18 апреля 2010. Жёлтым цветом выделены массивы тростниковых плавней. В выделенном прямоугольнике обозначено местоположение озера на карте Псковской области.

1а – основное место нахождения самца № 1; 1б – перемещение на юг самца № 1 в ответ на вокализации самца № 2; 2 – размах перемещений самца № 2; 3 – местоположение самца № 3.

Второй самец, появившийся на озере (его крики впервые отмечены тоже 14 апреля, но вечером), занял плавни в юго-западной части водоёма (самец № 2, рис. 1), в двух километрах от самца № 1. Уже в этот день он несколько раз пытался переместиться по прибрежным плавням в юго-восточный угол озера. При таких попытках первый самец с криками двигался ему навстречу, после чего второй самец начинал

отступать обратно. Первый самец некоторое время следовал за сородичем. Эти наблюдения основаны на аудиальном контроле, поскольку птицы на крыло не поднимались и все перемещения совершали по тростникам, сопровождая свои перемещения демонстративными вокализациями. Судя по крику выпей, минимальное расстояние между обеими самцами в момент их наибольшего сближения составляло несколько сот метров. Активные попытки самца № 2 переместиться из юго-западного в юго-восточный угол озера продолжались на протяжении двух дней (14 и 15 апреля), после чего оба самца выпей стали кричать примерно на одном и том же месте.

15 апреля вечером впервые отмечен голос самца № 3, который занял участок плавней, расположенных на северо-восточном берегу озера Осыно. Судя по крикам, новый самец никаких попыток изменить свое местоположение не предпринимал. Самец № 1 на появление нового соседа изменением своей вокализации не реагировал и не пытался двигаться в его направлении.

Вокализация самцов выпей во время занятия индивидуальных участков характеризовалась невысокой интенсивностью (число песен в единицу времени) и наличием в «песне» значительного числа слогов с изменённой структурой – т.н. «roor booms»-слогов. Как известно, «песня» выпей состоит из последовательности однотипных слогов (рис. 2), которые характеризуются как большой громкостью, так и наличием значительного по длительности частотно немодулированного участка

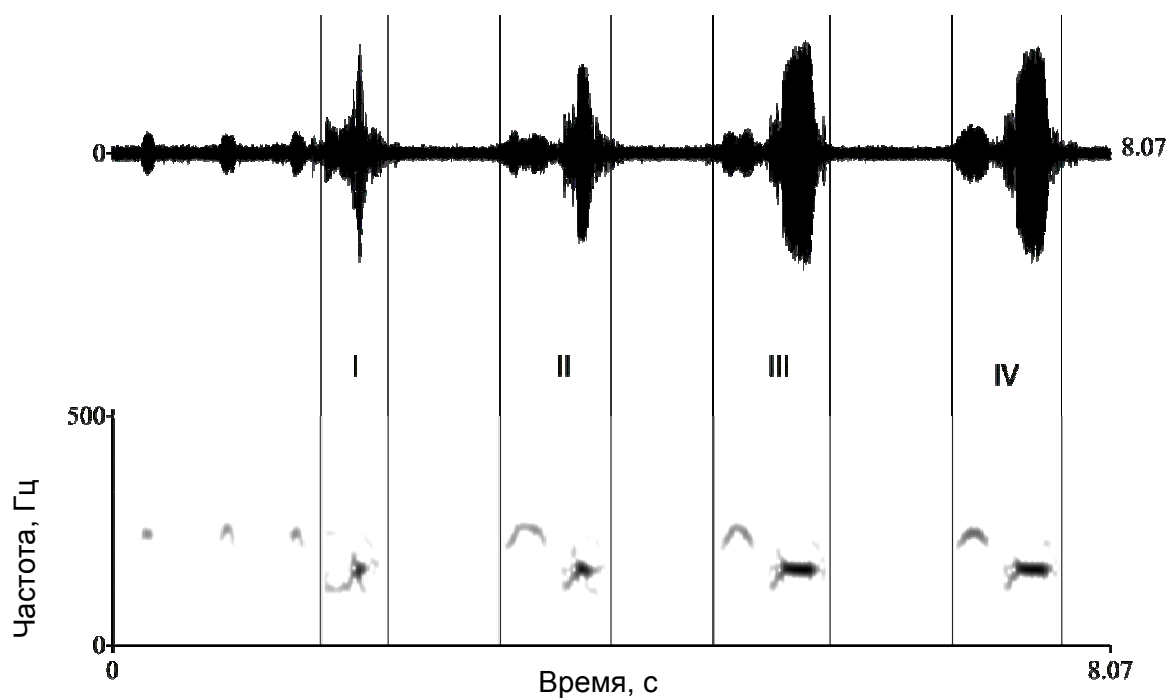

Рис.2. Пример «песни» выпей, состоящей из четырех слогов (I-IV).

Первые два слога (I и II) имеют меньшую длительность громкой части, и у них отсутствует частотно немодулированный участок; в англоязычной литературе за такими слогами закрепилось название «roor booms»-слогов. Слоги III и IV имеют обычную структуру.

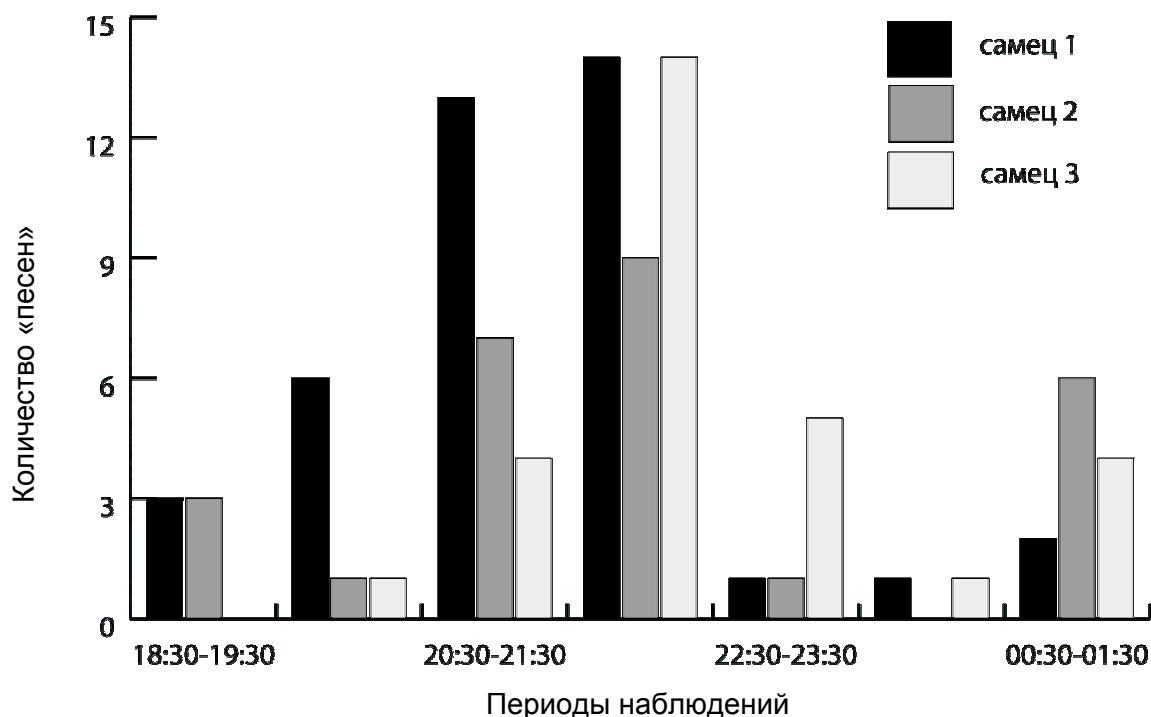

Рис. 3. Сравнительная характеристика звуковой активности 3 самцов выпи вечером 15 апреля 2010 на озере Осыно. Заход солнца в 21 ч 12 мин.

(McGregor, Byle 1992; Puglisi *et al.* 2001). Некоторые же слоги не имеют немодулированного по частоте участка, а их наиболее громкая часть имеет меньшую длительность. На слух такие слоги воспринимаются как не до конца исполненные нормальные слоги – в англоязычной литературе за ними закрепился термин «poor booms»-словов.

Общая продолжительность «песни» самца № 1 достигала 6 слогов и 4-5 слогов у самца № 2, когда они находились в наибольшем удалении друг от друга. Когда самец № 2 предпринимал попытки переместиться в юго-восточный угол озера, а самец № 1 двигался ему навстречу, их «песни» сокращались 2-3 слогов и, в редких случаях, состояли всего из одного слога (самец № 2). Среди 29 «песен», издававшихся двумя самцами и записанных на магнитофон, не оказалось ни одной, которая не содержала бы «poor booms»-словов. В целом доля этих слогов в вокализации составляла 54.2% (всего 60 слогов с нормальной структурой и 71 «poor booms»-слог). Наиболее часто эти слоги располагались в начале «песни» (84.6% для первого слога) и в конце (50% случаев для пятого слога и 70% – для шестого).

15 апреля, т.е. менее чем через двое суток после полного таяния льда, когда на озере кричали уже 3 самца выпи, был проведен учёт их акустической активности (рис. 3). Наблюдения продолжались с 18 ч 30 мин до 1 ч 30 мин (заход солнца – в 21 ч 12 мин). Всего за период наблюдений для самца № 1 отмечено 40 криков, для самца № 2 – 27, для самца № 3 – 29. Таким образом, наиболее акустически активным оказался самец выпи, первым прилетевший на озеро и занявший тра-

диционный участок гнездования. Пик голосовой активности всех трёх самцов пришёлся на время сразу после захода солнца.

До 19 апреля 2010, когда наши наблюдения были прекращены, все три самца выпи на озере Осыно были наиболее акустически активны в вечернее время, хотя отдельные «песни» исполнялись как утром, так и в середине дня. Чаще других (судя по локализации криков) кричал самец № 1, первым прилетевший на озеро.

Обсуждение

В условиях Северо-Запада России выпь прилетает с зимовок к местам гнездования сравнительно рано, когда крупные озёра чаще всего ещё покрыты льдом. В этом случае прилетевшие птицы временно поселяются на ручьях, каналах и любых мелких водоёмах, которые протаивают раньше (Ильинский и др. 1997; Фетисов и др. 2002). Наблюдения, выполненные в апреле 2010 года, ещё раз подтвердили это – до тех пор, пока озеро Осыно оставалось подо льдом, крики выпи звучали из тех окрестностей, где имелаась открытая вода.

Несмотря на то, что выпь не формирует колоний и селится очень разреженно, самцы проявляют тенденцию оставаться в зоне акустического контакта с сородичами (Poulin, Lefebvre 2003a,b). То, что самцы начинают «петь» ещё до того, как займут пригодные для размножения участки, возможно, является одним из механизмов формирования структуры гнездовой микропопуляции. Большая громкость «песен» выпи, а также холодный и сырой воздух и отсутствие листвы позволяют самцам «общаться» на очень больших дистанциях. Можно предположить, что «пение» самцов выпей в промежуточных убежищах, расположенных вокруг основных мест гнездования, с одной стороны, позволяет заранее «познакомиться» соседствующими самцами, а с другой – создаёт звуковой фон, служащий ориентиром для самок (Farina *et al.* 2011).

Опускаясь в массив тростника, выбранный в качестве участка для размножения, выпь теряет возможность зрительного контакта с сородичами на дистанции более нескольких метров, и единственным средством дистантного урегулирования территориальных споров остаётся вокализация. Наблюдение, сделанное на озере Осыно, когда два самца, не поднимаясь на крыло, совершали значительные перемещения по тростникам, возможно, иллюстрирует способ, которым эти птицы определяют границы своих индивидуальных участков. При этом необходимо отметить, что самец № 1, первым прилетевший на озеро, исполнял наиболее длинную по числу слогов «песню» и в целом был более активен вокально. Самец № 2 с самого начала проявлял меньшую звуковую активность (рис. 3), а его «песни» содержали меньшее число слогов. Попытки второго самца переместиться в юго-восточный угол

озера, где активно «пел» первый самец, можно расценивать, как безуспешные попытки вторгнуться на уже занятую территорию. В этой связи можно предположить, что различия в числе включаемых в «песню» слогов были основой для социального ранжирования самцов и тем предопределили сохранение границ индивидуальных территорий. Стоит также отметить, что когда оба самца двигались навстречу друг другу (при этом оставаясь каждый в своем тростниковом массиве), их песни становились короче за счёт уменьшения числа слогов. Являлось ли это признаком изменения эмоционального состояния или случайным совпадением, обусловленным большой индивидуальной изменчивостью в вокализации выпи – определить было невозможно.

При сохранении благоприятных условий, выпь каждый раз прилетает гнездиться на одно и то же место (Gilbert *et al.* 2002; Gilbert *et al.* 2005). Подтверждением этому служит и тот факт, что начало «пения» выпи в местах гнездования может начаться ещё до того, как биотоп станет пригоден для птиц. Согласно устному сообщению С.А.Фетисова, в 2010 году первый самец выпи начал кричать на озере Ороно, когда ещё не сошёл лёд. Место криков было приурочено к той части тростников, где обычно (из года в год) располагается гнездо. Так как лёд продолжал держаться, птица через несколько дней улетела. На озере Осыно самец № 1 также занял именно тот участок плавней, где, начиная с 1980-х годов, отмечается регулярное гнездование выпи.

Открытым остаётся вопрос, как в условиях Северо-Запада России, заняв после прилёта промежуточные станции, выпь узнаёт о доступности мест гнездовых (т.е. о том, что лёд в тростниках сошёл). Согласно нашим наблюдениям, патрулирующих облётов территории птицы не совершают. Возможно, сигналом служит скачок температуры воздуха после исчезновения ледяного панциря на крупном водоёме. В Англии, например, перелёт с мест зимовки к местам размножения приходится на январь-март и совпадает с началом периода дождей (Gilbert *et al.* 2002), а в Польше начало активной демонстративной вокализации выпи коррелирует с температурой воздуха в феврале-марте (Polak, Kasprzykowski 2010), т.е. птицы используют погодные маркеры для регулирования своего поведения. Можно также думать, что первыми распознают этот фактор более старые и опытные особи.

Особенностью демонстративных криков выпи является то, что в начале периода акустической активности в «песне» содержится большая доля слогов, у которых отсутствует громкий, частотно немодулированный участок – т.н. «poor booms»-слогов. При этом проявляется следующая тенденция: самцы, находящиеся в зоне акустического контакта, чаще всего исполняют «poor booms»-слоги в конце «песни» (Gilbert *et al.* 1994; Poulin, Lefebvre 2003a,b). Наблюдения за акустическим поведением выпи на озере Осыно в апреле 2010 года только частично под-

тверждают эти выводы. Так, два самца, первыми появившиеся на освободившемся ото льда озере, издавали демонстративные крики с высокой долей «roor booms»-слогов (более половины всего репертуара). Однако, слоги эти преимущественно были первым слогом их «песен», хотя самцы не только находились в зоне акустического контакта, но и взаимодействовали друг с другом.

За время наших наблюдений наибольшая акустическая активность самцов выпи приходилась на вечернее время (до и после захода солнца), а отдельные вокализации удавалось фиксировать и днём. Такая суточная ритмика, в целом, характерна для локальной популяции, обитающей на юге Псковской области (Ильинский и др. 1997). В то же время для микропопуляции в дельте реки Роны показано, что в начале периода токования самцы выпи проявляют тенденцию совсем не «петь» в вечерних сумерках (Poulin, Lefebvre 2003a). Можно предположить, что эти различия отражают свойственную выпи высокую индивидуальную изменчивость, т.к. какой-либо изменчивости между географически удалёнными популяциями для этого вида не выявлено (Puglisi, Bretagnolle 2005; Dmitrenok *et al.* 2007; Polak 2006).

Автор выражает благодарность И.В.Ильинскому за прочтение рукописи и высказанные замечания, а также С.А.Фетисову за всестороннюю помощь в проведении полевых наблюдений.

Литература

- Ильинский И.В., Пчелинцев В.Г., Фетисов С.А. 1997. Наблюдения за гнездованием выпи *Botaurus stellaris* в Себежском Поозерье (Псковская область) // *Рус. орнитол. журн.* **6** (17): 16-21.
- Фетисов С.А., Ильинский И.В., Головань В.И., Фёдоров В.А. 2002. *Птицы Себежского Поозерья и национального парка «Себежский»*. СПб., 1: 1-152.
- Dmitrenok M., Puglisi L., Demongin L., Gilbert G., Polak M., Bretagnolle V. 2007. Geographical variation, sex and age in Great Bittern *Botaurus stellaris* using coloration and morphometrics // *Ibis* **149**: 37-44.
- Farina A., Lattanzi E., Malavasi R., Piretti N., Piccioli L. 2011. Avian soundscapes and cognitive landscapes: theory, application and ecological perspectives // *Landscape Ecol.* **26**: 1257-1267.
- Gilbert G., McGregor P.K., Tyler G. 1994. Vocal individuality as a census tool: practical considerations illustrated by a study of two rare species // *J. Field Ornithol.* **65**, 3: 335-348.
- Gilbert G., Tyler G.A., Dunn C.J., Smith K.W. 2005. Nesting habitat selection by bittern *Botaurus stellaris* in Britain and the implications for wetland management // *Biology Conservation* **125**: 547-553.
- Gilbert G., Tyler G.A., Smith K.W. 2002. Local annual survival of booming male Great Bittern *Botaurus stellaris* in Britain, in period 1990-1999 // *Ibis* **144**: 51-61.
- McGregor P.K., Byle P. 1992. Individually distinctive bittern booms: potential as a census tool // *Bioacoustics* **4**, 2: 93-109.
- Polak M. 2006. Booming activity of male Bitterns *Botaurus stellaris* in relation to reproductive cycle and harem size // *Ornis fenn.* **83**: 27-33.

- Polak M., Kasprzykowski Z. 2010. Reproduction parameters of the Great Bittern *Botaurus stellaris* in fishponds in eastern Poland // *Acta ornithol.* **45**, 1: 1-7.
- Poulin B., Lefebvre G. 2003a. Optimal sampling of booming Bitterns *Botaurus stellaris* // *Ornis fenn.* **80**: 11-20.
- Poulin B., Lefebvre G. 2003b. Variation in booming among Great Bitterns *Botaurus stellaris* in the Camargue, France // *Ardea* **91**, 2: 177-182.
- Puglisi L., Bretagnolle V. 2005. Breeding biology of the Great Bittern // *Waterbirds* **28**, 3: 392-398.
- Puglisi L., Pagni M., Bulgarelli C., Baldaccini N.E. 2001. The possible functions of calls organization in the bittern (*Botaurus stellaris*) // *Ital. J. Zool.* **68**: 315-321.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2012, Том 21, Экспресс-выпуск 720: 124-127

Пискулька *Anser erythropus* в Псковской области

С.А.Фетисов

Второе издание. Первая публикация в 2005*

Как и в других северо-западных областях европейской части России и в странах Прибалтики, пискулька *Anser erythropus* в Псковской области – транзитно мигрирующий вид (Бихнер 1884; Зарудный 1910; Бианки 1922; Птушенко 1952; Мальчевский, Пукинский 1983; Меднис 1983; Leito 1994; и др.)[†]. По данным Н.А.Зарудного (1910), в конце XIX и начале XX века пискулька ежегодно встречалась в Псковской губернии в период миграций в дельте Великой и на Псковском озере, причём значительно чаще, чем чёрная казарка *Branta bernicla*. Весной она появлялась там в середине апреля, чаще всего 24 апреля – 3 мая, и некоторые особи встречались ещё в начале второй декады мая[‡]. Осенью пискульку наблюдали в Псковском уезде иногда уже в самом начале второй декады сентября. В 1895 году, например, в эти сроки Н.А.Зарудный добыл пару пискулек из стаи в 5 особей на острове Ситный в дельте Великой. Однако обычно осенний пролёт пискулек отмечали 24 сентября – 3 октября, реже до 14-23 октября. Как и Н.А.Зарудный – ещё до него – К.М.Дерюгин (1897) писал, что пискулька предпочитала в Псковском уезде большие озёра.

* Фетисов С.А. 2005. Пискулька *Anser erythropus* в Псковской области // *Природа Псковского края* **19**: 21-24.

† В «Кадастре животного мира Псковской области», подготовленном специалистами межотраслевого научно-инженерного центра по охране окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов (Кривенко и др. 1994), пискулька была отнесена к залётным видам Псковской области, но в данном случае, конечно, произошла ошибка.

‡ Все даты в статье приведены по новому стилю.

К сожалению, в более поздние годы в литературе практически отсутствовали конкретные факты о встречах пискульки в Псковской области, если не считать двух наблюдений в Себежском Поозерье и национальном парке «Себежский», где единичных пискулек видели в 1994 и 1998 годах во время осеннего пролёта в стаях белолобых гусей *Anser albifrons* (Фетисов и др. 2002)*, а также экспертной оценки М.М. Мешкова и Л.П. Урядовой (Meskov, Urjadova 1980), согласно которой численность гусей в Псковской области распределялась в порядке убывания: гуменник *Anser fabalis* – белолобый гусь – пискулька – серый гусь *Anser anser* – белощёкая казарка *Branta leucopsis* – чёрная казарка. Кроме того, автор располагает устными сообщениями псковского орнитолога В.А. Тарасова и охотоведа Н.Г. Соболева о том, что иногда в 1980-1990-е годы пискульки попадали под выстрел охотников в Псковском и Островском районах. По данным других охотоведов, опубликованных в местных средствах массовой информации†, пискульки встречались на Псковско-Чудском озере, в том числе в федеральном заказнике «Ремдовский». Несмотря на всё это трудно согласиться с балльной оценкой Н.К. Верещагина и О.С. Русакова (1970, 1972), что в начале 1970-х годов численность пискульки на Северо-Западе РСФСР, включая Псковскую область, была всего в 3 раза меньше, чем кряквы *Anas platyrhynchos*, а хозяйственное значение – только в 10 раз меньше кряквы. Возможно, это утверждение было справедливо для более северных областей Северо-Запада РСФСР, но не для Псковской области. В соседних с ней регионах пискулька также была редка. В Ленинградской области по количеству пролетавших через неё гусей она занимала одно из последних мест, обычно не более 5% общей их численности, причём встречалась на пролёте далеко не каждый год (Мальчевский, Пукинский 1983)‡. Примерно то же, начиная с 1970-х годов, можно сказать о численности пискульки на территории Эстонии (Leito 1994) и Латвии (Меднис 1983). Кроме того, она была редка на пролёте в Тверской области (Зиновьев, Шапошников 1978) и в Белоруссии (Федюшин, Долбик 1967).

В настоящее время пискулька признана очень редким пролётным видом Псковской области (Урядова, Щеблыкина 1993; Иванов и др.

* По сообщению Я.Бауманиса, в апреле 1980 года одну пискульку встретили в населённом пункте Нагли в Резекненском районе Латвии на рыбоводных прудах в стае с другими гусями (Меднис 1983). Это сравнительно недалеко от Красногородского и Себежского районов Псковской области.

† Копыткин С. Фауна Псковщины и Красная книга // Газета «Псковская правда» 21 августа 1984. № 192 (17971). С. 2. Фёдоров В. Заказники Псковщины // Там же. 15 февраля 1986. № 39 (18418). С. 4.

‡ Основной пролётный путь пискульки в Ленинградской области идёт, по-видимому, от южной и юго-восточной части Финского залива через центральную и южную часть Карельского перешейка и далее к Ладожскому озеру, а в южных районах, сопредельных с Псковской областью, пролёт выражен слабо (Мальчевский, Пукинский 1983). В Эстонии весенний пролёт пискульки приурочен в основном к западной части страны, а осенний пролёт идёт широким фронтом (Leito 1994).

1998; Борисов и др. 2000, 2001а). Она внесена в Красную книгу РФ (2001), в списки очень редких мигрантов рамсарского водно-болотного угодья «Псковско-Чудская приозёрная низменность» (Авданин и др. 1998; Фетисов 2003), Себежского Поозерья и национального парка «Себежский» (Ильинский, Фетисов 2000; Фетисов и др. 2000; Ильинский и др. 2001).

В 2004 году с помощью сотрудников Управления по охране, контролю и регулированию использования охотничьих животных Псковской области (начальник Управления С.Ю.Иванов) автор провёл опрос районных охотоведов и председателей РООиР с целью сбора дополнительной информации о пискульке и получил положительные результаты только в трёх районах из 24. По данным охотоведа Плюсского района В.Н.Кононова, пискулька совместно с другими гусями (белолобым, гуменником и серым) встречалась иногда в последние годы весной и осенью на территории Плюсского и Заплюсского охотничьих хозяйств, в основном на торфяных картах и болоте Соколий Мох. В Великолукском районе её отмечали в третьей декаде апреля и осенью в Горицкой волости, в Удрайском охотничьем хозяйстве, в окрестностях деревень Сопки (к юго-западу от болота Бачевский Мох), Крутовраг и Гвоздово (В.П.Соларёв). По данным охотоведа Пушкиногорского района В.Г.Досягаева, весной (15-20 апреля) пискульку видели на разливах реки Великой близ устья её притока Вересовой в Пушкиногорском охотничьем хозяйстве, а осенью (1-5 октября) – в окрестностях озера Велье в Велейском охотничьем хозяйстве.

Литература

- Авданин В.О., Розов Н.Г., Виноградов В.Г. 1998. *Псковско-Чудская приозёрная низменность // Водно-болотные угодья России. Том 1. Водно-болотные угодья международного значения*. М.: 56-64.
- Бианки В.Л. 1922. Распространение птиц в северо-западной части Европейской России // *Ежегодник Зоол. музея Рос. Акад. наук* **23**, 2: 97-128.
- Бихнер Е.А. 1884. Птицы С.-Петербургской губернии: Материалы, литература и критика // *Тр. С.-Петербург. общ-ва естествоиспыт.* **14**, 2: 359-624.
- Борисов В.В., Урядова Л.П., Щеплыкина Л.С. 2000. Осенние миграции гусей в районе Псковско-Чудского озера в 1956-1999 годах // *Социальные и экол. проблемы Балтийского региона*. Псков: 139-141.
- Борисов В.В., Урядова Л.П., Щеплыкина Л.С. 2001. Осенние миграции гусей в районе Псковско-Чудского озера в 1956-1999 годах // *Актуальные проблемы изучения и охраны птиц Восточной Европы и Северной Азии*. Казань: 107-108.
- Верещагин Н.К., Русаков О.С. 1970. Ресурсы водоплавающей дичи (пластинчатоклювые) и их освоение на Северо-Западе России // *Охота, пушнина, дичь*. Киров, **29**: 19-27.
- Верещагин Н.К., Русаков О.С. 1972. Сезонное распределение водоплавающих птиц на северо-западе РСФСР и вопросы их охраны // *Сообщ. Прибалт. комис. по изучению миграций птиц* **7**: 106-117.

- Дерюгин К.М. 1897. Орнитологические исследования в Псковской губернии // *Тр. С.-Петербург. общ-ва естествоиспыт.* Отд. зоол. и физиол. **27**, 3: 17-38.
- Зарудный Н.А. 1910. Птицы Псковской губернии // *Зап. Акад. наук по физ.-мат. отд.* Сер. 8. **25**, 2: 1-181.
- Зиновьев В.И., Шапошников Л.В. 1978. Материалы по орнитофауне Калининской области // *География и экология наземных позвоночных. Птицы.* Владимир, 3: 40-55.
- Иванов В.Н., Иванов С.Ю., Ильинский И.В., Урядова Л.П., Фетисов С.А. 1998. Наземные позвоночные, рекомендованные в Красную книгу России, в фауне Псковской области // *Проблемы сохранения биоразнообразия Псковской области.* СПб.: 115-118.
- Ильинский И.В., Фетисов С.А. 2000. Редкие виды птиц на территории Псковской области // *Редкие, исчезающие и малоизученные птицы России.* М.: 48-53.
- Ильинский И.В., Фетисов С.А., Головань В.И., Фёдоров В.А. 2001. Птицы (Aves) // *Биоразнообразие и редкие виды национального парка «Себежский».* СПб.: 208-218.
- Красная книга Российской Федерации (Животные).* 2001. М.: 1-862.
- Кривенко В.Г., Равкин Е.С., Виноградов В.Г., Авданин В.О., Мирутенко М.В., Божанский А.Т., Русаков О.С. 1994. *Итоговый отчёт по научно-практической разработке «Кадастр животного мира Псковской области». (Обобщённые результаты за 1992-1993 гг.).* М.: 1-210 (рукопись).
- Мальчевский А.С., Пукинский Ю.Б. 1983. *Птицы Ленинградской области и сопредельных территорий: История, биология, охрана.* Л., **2**: 1-504.
- Меднис А. 1983. Пискулька *Anas erythropus* (L.) // *Птицы Латвии: Территориальное размещение и численность.* Рига: 32-33.
- Птушенко Е.С. 1952. Подсемейство гусиные Anserinae // *Птицы Советского Союза.* М., **4**: 255-344.
- Урядова Л.П., Щеплыкина Л.С. 1993. Наземные позвоночные животные Псковской области // *Краеведение и охрана природы.* Псков: 137-144.
- Федюшин А.В., Долбик М.С. 1967. *Птицы Белоруссии.* Минск: 1-520.
- Фетисов С.А. 2003. *Водоплавающие и околоводные птицы рамсарского водно-болотного угодья «Псковско-Чудская приозёрная низменность» и сопредельных территорий. Материалы для оценки современного состояния, разработки системы мониторинга и мероприятий по сохранению видов.* Псков; СПб.: 1-183 (рукопись).
- Фетисов С.А., Ильинский И.В., Головань В.И., Фёдоров В.А. 2000. Видовой состав и статус птиц Себежского Поозерья и национального парка «Себежский» // *Социальные и экол. проблемы Балтийского региона.* Псков: 146-155.
- Фетисов С.А., Ильинский И.В., Головань В.И., Фёдоров В.А. 2002. *Птицы Себежского Поозерья и национального парка «Себежский».* СПб., **1**: 1-152.
- Leito A. 1994. Lesser white-fronted goose *Anser erythropus* (L.) // *Birds of Estonia: Status, Distribution and Numbers.* Tallinn: 46.
- Meskov M.M., Urjadova L.P. 1980. Characteristic features of bird's passages in the areas of the Pskov-Chudskoye lake and their protection // *Acta ornithol.* **17**: 169-175.

